

Вадим Могильницкий

издательство игоря розина

Вадим Могильницкий

бессонные
пути

избранная лирика

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
М 74

Составление и вступительное слово –
Михаил Гольденберг

В сборник избранной лирики В.А. Могильницкого (1935-2012), преподавателя математики, глубокого знатока музыки, автора биографии Святослава Рихтера (2000) и книги «Рихтер-ансамблист» (2012), вошла существенная часть его поэтического наследия.

Стихи В.А. Могильницкого никогда при его жизни не публиковались. Сборник составлен на основе собранного и систематизированного родственниками Вадима Могильницкого после его смерти цифрового архива стихов, работа над которым продолжается и сейчас. По ее завершении планируется издание полного собрания поэзии автора.

М 74 Могильницкий Вадим. Бессонные пути: Избранная лирика. – Челябинск: Издательство Игоря Розина, 2015. – 130 с.

Издание осуществлено на средства, собранные друзьями и коллегами автора

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-903966-47-9

© Текст – Вадим Могильницкий, наследники, 2015
© Составление, вступительное слово – Михаил
Гольденберг, 2015
© Издательство Игоря Розина, 2015

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вадим Анатольевич Могильницкий (1935–2012), сборник избранной лирики которого вы открыли, был человеком необыкновенно одаренным. Прекрасный лектор, равнодушный ко всему, что включает в себя понятие «образование». Выдающийся коллекционер – он собрал более трех тысяч пластинок с записями классической музыки. Тонкий музыкальный писатель, знаток исполнительских стилей разных эпох. Человек, влюбленный в шахматы и в го. Он мог по памяти воспроизвести партии, сыгранные великими шахматистами прошлого и настоящего... Кажется, перед нами яркая жизнь, прожитая «на виду».

Но вот его стихи. Прочитайте их. Перед вами развернется другой мир, тайный, глубокий, неуспокоенный. И человек, которого вы, кажется, хорошо знали, откроется еще одной, возможно, главной своей стороной.

Как многие поэты, автор этого сборника сочетал в себе «человеческое, слишком человеческое» с тем, что мы называем божественным (даром). Можно рассказать о человеческом и, отдельно, о божественном, но как это соединить?

С Вадимом трудно было встретиться взглядом, он нелегко шел на eye contact. Эта несомненная его аутичная черта должна была бы, казалось, многих держать на расстоянии. Однако еще в студенческие годы он всегда был в окружении друзей, – впрочем, скорее приятелей. Футбол, волейбол, настольный теннис, шахматы, позднее го – этим нельзя заниматься в оди-

ночку. Но близкая дружба, как многие ее понимают, не возникала. Наверное, в ней Вадим не нуждался. Он готов был обсуждать всё, от футбольного чемпионата до устройства Вселенной, но в разговоре с ним вопросы личного порядка не возникали никогда.

Никогда (в отличие от меня) не рассказывал он о своем детстве, о школе, о родных. Меня очень интересовали его впечатления тех лет, когда село Кривое Озеро, в котором он родился, было оккупировано немцами. Не задавая прямых вопросов, я пытался подступиться к этой теме, но – безрезультатно.

О семье он не говорил тоже. Отношения его с женой, с детьми были очень сложными. Не говорю уже о других его привязанностях.

Возможно, с этого места «квалифицированный фрейдист» и начал бы свой разговор о поэте. Но можно взглянуть на Вадима «проще», глазами Шукшина. Вот диалог деда и внука из его рассказа «Критики»:

- «– Так он же любит! – начал нервничать Петька.
- Ну и что, что любит?
- Ну и поёт.
- Да его бы давно на смех подняли, такого! Ему бы проходу не было. Любит. Когда любят, стыдятся... Мы вон, помню, поглядится девка, так ты ее за две улицы обходишь – потому что совестно. Любит...»

Неосознанное, неосязаемое, интимное, личное – неприкасаемый тайный химический состав его души, не поддававшейся никакой кислоте. Оттуда он, видимо, черпал силы, чтобы жить, и вдохновение, чтобы писать.

Откроем стихи Вадима. Осень, зима, редко лето, еще реже весна. Мы встретим иногда точные детали, но не это главное. Золотая осень, холодная, часто угрюмая зима, нервная, ветреная весна, теплое, ласковое – уходящее – лето. Состояние природы – вот о чем написано. И состояние человека, созерцающего природу, всю природу целиком, принимающего ее как

что-то личное, как судьбу. Оторваться от этих стихов невозможно.

Иногда в русских стихах мы находим два полюса, безмятежность природы и томление человеческого духа:

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?..

Нечто подобное можно найти у Тютчева. У Вадима полюса слиты, душа обнимает природу, и природа обнимает душу. Прочтите, например, «Вновь сентябрь...» или «На отъезд...». Нет ли у вас такого чувства, будто вы сами каждый этот стих и написали? Классический русский стих, в котором, кажется, всё традиционно, всё знакомо – от рифмы до строфы. Всё просто. Но так глубоко, неподдельно, пронзительно.

Загадкой для меня остается потребность Вадима писать и переписывать, создавать всё новые варианты многих стихов. Читая их, видишь, что уже первый вариант – законченное и нерушимое произведение. Но вот он что-то в нем нарушает, изменяет слово или строку, подчиняясь внутреннему слуху, и снова изменяет, и снова – и останавливается на седьмом варианте, придя, видимо, в согласие с самим собой. Вадим любил пересказывать историю о том, как репетировал Тосканини. Он заставлял оркестр по многу раз проигрывать один и тот же фрагмент, доводя до исступления и себя, и музыкантов. И когда наконец «получалось», он говорил с облегчением: «Ну вот: вы счастливы, я счастлив, Бетховен счастлив!»

Невидимый и строгий Бетховен жил внутри Вадима, не допуская фальши ни в стихах, ни в других его произведениях, ни в жизненных поступках.

Не стану говорить о его книге «Святослав Рихтер». Многие ее страницы – кристальная проза. Стилистически безупречны написанные им или в соавторстве с коллегами учебные пособия по математике. Многие коллеги Вадима помнят, вероятно, как трудно было с ним сотрудничать: он упрямо отстаивал каждый оборот, каждую строчку и отвергал всё, что казалось ему несовершенным.

Однажды мы читали вместе только что опубликованную в журнале математическую статью. Вадим читал вслух. Прочитали предисловие, которое было неплохо написано, и перешли к чтению первой части. Она начиналась словами: «Приведем рабочие определения». Далее следовали определения. В этом месте Вадим остановился, как будто поперхнулся, и я заметил, что он заплакал, – наверное, от восторга перед лаконичностью и точностью математического языка.

Есть английское слово *immaculate*, «безупречно». К этому, очевидно, стремился Вадим. Отсюда его желание видеть иерархию в каждой доступной ему области – математике, музыке, литературе. Это касалось прежде всего музыкального исполнительства. Он знал наперечет всех исполнителей, скажем, Шестой сонаты Прокофьева, но признавал лишь одного. Я помню, как на длительное время его самыми любимыми композиторами становились Рахманинов, Шопен, потом Шуберт. «Жил-был волшебник, звали его Шуберт». Еще в студенческие времена он любил задавать вопросы типа: «Если бы, отправляясь на необитаемый остров, ты бы должен был выбрать одну только книгу?..» Его собственным выбором был тогда «Маленький принц» Сент-Экзюпери.

Много раз он повторял любимые им слова Сент-Экзюпери: «Самая большая роскошь на земле – это роскошь человеческого общения». Тем, кто общался

с Вадимом, эта роскошь доставалась нелегко, но затраченный труд окупался сторицей.

Из всей классической музыки, которой он был непревзойденный знаток, Вадим выделял музыку Баха. Неудивительно, что любимейшим его произведением был Хорошо темперированный клавир. В моей небольшой фонотеке долгое время не было этого произведения. И вот однажды Вадим торжественно вручил мне альбом с ХТК в исполнении, конечно, Святослава Рихтера. Подарок сопровождался открыткой. Там был сонет – один из лучших, которые я читал у Вадима.

Увы, открытка затерялась, а я помню лишь начало и конец сонета.

Ты помнишь, как я звал тебя давно
Услышать всё, чем эти звуки живы.
Я говорил то грустно, то шутливо,
О чем сказать словами не дано.

.....

Хоть и не Бахус Бах, но нам равно
Мил каждый в свой черед несуетливый.

Есть в мире совершенство – вот оно.
И с ним да будет жизнь твоя счастливой!

Вот еще одна загадка. Те, кто близко знал Вадима, нередко получали его стихотворные подарки, часто в виде шутливого сонета, иногда четверостишия, а нередко и в виде поэтического шедевра. Иначе говоря, мы все знали, что Вадим «пишет стихи». Мы высоко их ценили и считали, что они должны появиться в печати. Я не раз недоумевал вслух: почему, мол, не отправить

стихи в журнал или не опубликовать отдельной книжкой? Ответа я так никогда и не получил.

Недоумение усилилось после выхода книги Вадима «Святослав Рихтер». Замечательная биография великого пианиста была представлена читающей публике автором, не имеющим систематического музыкального образования. Основное содержание книги – анализ творчества Рихтера, что, безусловно, требовало высокого профессионализма. Зная Вадима, можно было не сомневаться: всё в книге продумано и выверено. Но важно и другое: автор был уверен в том, что внесит нечто новое в понимание Рихтера как музыканта и человека. Он понимал, что книга о Рихтере стоит того, чтобы быть прочитанной и любителем, и профессионалом.

А как же стихи? Представляют ли они, как принято говорить, общественный интерес?

Прочитаем стихи и попробуем найти хоть одну дидактическую строчку, хоть одну риторическую фигуру. Я уже не говорю об отклике на какое-либо «общественно важное» событие. Нет их. Только тонкая лирика, только углубленное, часто сумрачное размышление. Мы временны на земле, мы исчезнем, как исчезли многие поколения живших до нас людей. Мы любим – мир, природу, женщину, друзей. Каждый сорвавшийся с пожелтевшего клёна листок уникален, неповторим. Неповторимо и ценно каждое мгновение жизни. Неповторимо творчество. И чудотворство.

Кажется, я не ответил на свой вопрос. Пусть читатель сам попробует ответить – если у него есть в том потребность. Я же счастлив, что вместе со мной стихи Вадима Могильницкого прочтут теперь его друзья и незнакомые ему люди, останутся на минуту, задумаются о жизни, о проходящем, о вечном. Здесь помолись.

БЕССОННЫЕ ПУТИ

Жива стократ моя любовь

Вот стих, который сам собой сложился,
Пока я выбирал тебе букет.
В стене зеркальной лик мой отразился,
Напомнив, что и мне не двадцать лет.

Ну, что ж. Стара звезда, чей дальний
свет
Сияет нам порой в ночном просторе.
Хоть без тепла, но в радости и в горе
Она над миром – миллионы лет.

И пусть умрет звезда – жива стократ
Любовь. И вечно будет жить, воспета
В холстах и песнях, в жалобе сонат,

В осенних снах увядшего букета,
В строке чеканной старого сонета,
В душе страниц, раскрытых наугад.

Сонет №2 о музыке и слове

Есть в музыке такое, что словами
Невыразимо. Испокон веков
Ее очарование без слов
Нисходит в мир – и остается с нами.

Она манит нас сказочными снами
И лучших дней нам продлевает срок.
И в этот день я, вместо рифм и строк,
Желал бы музыкой общаться с Вами.

Но здесь, как говорится, не дал Бог.
И станут вновь слова моим приветом.
Желаю Вам цвести зимой, как летом,
И радости, и счастья без тревог.

И, может быть, найти в сонете этом.
То, что лишь музыкой я выразить бы мог.

8/XII/1980

Зимний сонет (-37 °С)

Мороз такой – не только тело –
Душа застыла. В небосвод
Луна заморожена, как в лед
Желток. В окне заиндевелом

Промерзший воздух в клочья рвет
И треплет вихрь осатанелый.
Из царства льдов пустыни белой
Восстав, ледник на нас идет.

В беснующемся мраке вьюги
Трубит крещендо жуткой фуги
Зимы неистовой орган,

И онемевшая планета,
Закована, слепа, раздета,
Летит в космический туман.

Сонет об истинном и мнимом

И.Б.

К чему гадать всю жизнь, мой многодумный
Гранит перед тобой или алмаз бесценный? друг,
Простой ли костоправ иль мудрый Авиценна
У ложа твоего врачует твой недуг?

Расчислен в небесах земных явлений круг.
В нём мера всех вещей пребудет неизменной.
Постижь ее дано душе, когда мгновенный
Родится в ней самой от века бывший звук.

И новый в ней побег к весне зазеленеет,
И будет новый плод (а старый упадет),
И лучший в мире стих забудется, уйдет,
И новый прозвучит, когда в свой час созреет.

И так же будет течь в ручье земном вода,
Не ведая корней, побега и плода.

Bunte Blätter*

*Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.*

Борис Пастернак

Вот снова с мартом мы наедине.
Закат студеный плещется в окне.
Чего тебе, душа? – Хозяин знает.
Щелчок, отвод. Зеленый глаз мерцает.

И первый звук, рожденный в тишине
(Так лист из почки влажной возникает),
Причастьем *Nicht zu schnell, mit Innigkeit***,
Как в первый раз, сжимает горло мне.

О, музыка! Как учишь ты любви!
Всегда ты близко – только позови.
Средь тьмы ты – ясность, в ясности – загадка.

Без гнева горечь, сладость – без измен.
И ничего не требуешь взамен...
– Одной лишь жизни. Враз – и без остатка.

* «Пестрые листки» (нем.) – название фортепианного цикла Роберта Шумана.

** «Не быстро, с внутренним чувством, задушевно» (нем.) – ремарка к 1-й пьесе цикла «Пестрые листки».

Далекое воспоминание

М.Г.

Над скукой старых крыш, на гулком виадуке
Уходит ввысь сентябрь вдоль улицы Гаванной.
Чуть тронут охрой сад. За молом из тумана,
Как весть миров иных, гудков причальных
звучи.

Из-под ворот вода течет, скрываясь в люке.
И в воздухе разлит Привоза запах пряный.
В распахнутом окне, над дремлющим
платаном
Томится саксофон о чьей-то сладкой муке.

А лето по дворам, неслышными шагами,
Всё ходит – не уйдет, прощаясь –
не простится.

Вот лист, кружась, упал. Душа моя, сестрица,
Простимся же и мы – с летами и веками,
Что все – сейчас, вот здесь – таятся
где-то рядом

И промелькнут, как лист,
под чьим-то праздным взглядом.

Воспоминание

Взгляни в окно. – Как снег глубок и чист!
Какая память в нем и обещанье,
Других снегов и зим чистописанье,
И жизни чьей-то непочатый лист.

Взгляни... и вот идут воспоминанья
Минувших лет, далеких, дорогих,
Где я, в толпе товарищей моих,
С тепла продрогших, сонных спозаранья,

Бреду до школы в предрассветной мгле,
Сам – сирота на утренней земле,
Очнувшейся от зимнего ненастья.

А надо мной – столетья, косяком...
И пахнет талый снег под башмаком
Предчувствием невиданного счастья.

Лето 86-го

Польнь. Чабрец. Пырей. Курганы, тополя,
И горлинки поют. Ты жив, мой край забытый!
Встает в дугах туман, и зреет плод налитый,
И предвечерний свет ложится на поля.

Здесь мир. Здесь помолись. Покой тебе, Земля!
Молись и ты за нас: за разум наш несытый,
За мирные сады над Припятью убитой,
За тяжкий вздох ночной под шелест ковыля.

Молись... пока мы есть. И я, глядишь, постом,
Собравши в узелок страниц истлевших ворох,
Вернусь когда-нибудь – молчать в твоих
просторах,
Глядеться в куполок под скошенным крестом,
На шлях, где твой чумаки бредет за Звездным
Возом
И клонит посох свой к уснувшим верболозам.

М.Г.

Вновь сентябрь. И вновь порой
Среди туч и мглы унылой
Нам, как детства отзвук милый,
День подарен золотой.

Небеса уходят ввысь,
В их сиянии тихо, строго
Над разъезженной дорогой
Клены в ризах поднялись.

Дымом дальнего костра
Тянет в воздухе нагретом,
И белье среди двора
Сохнет, нежась, будто летом.

Дозревая, как вино,
Пахнут яблоки на полке.
Моет женщина в футболке
В бликах радужных окон.
В лес, скорей!.. Там бродит Осень
Меж ветвей, стволов и трав,
Словно что-то потеряв,
По полянам, среди сосен,
Где озер небесных просинь
В кронах сомкнутых дубрав.
Оглядит свое жилище –
И уходит молча, тенью.
В тихой поступи ее
И прощанье, и прощенье...
А вокруг – лазурь и медь,
Зелень, золото, рубины.
Алым пламенем рябина

В небо хочет улететь,
Но, смущаясь, медлит – ждет
Здесьней славы запоздалой –
Несказанной, небывалой
Красоте своей в зачет.
И заоблачным хоралом
Светлый день над ней плывет.
И печальным, горьким, малым
В мире бедствий и невзгод
Душам нашим весть дает:
Счастье есть для них на свете –
Жить, дышать вот этим днем.
Вспоминай, мой друг, о нем
В будущем тысячелетье.

После дождя

Очистилось небо от туч,
И солнца легла позолота
На речку, на лес, на болото.

Как ласков полуденный луч!
Всё горlinkа кличет кого-то...
Щемящая, старая нота,
От детства утерянный ключ.

И стог за оградой пахуч.
Так тихо. И так далеко ты!

Усни, мое горе-забота,
И памятью сердце не мучь.

Деревьям

Я в сумерках один. Засыпаны листвой
Подъезды, гаражи, песочница, дорожки
И даже коридор. Знакомый клен в окошке
Стоит среди двора, как беженец зимой.

Подкрался, выбрав ночь, вдруг ветер-листобой
И ветви обломил, и оборвал сережки,
И, после тех бесчинств, все звезды смёл, как
крошки,
С небесной скатерти – и скрылся, тать ночной.

Деревья! сколько лет, в часы полночных
бдений,
Я с вами вел один безмолвный разговор.
Друзья моих забот, молчаний и терпений,
Я вечный ваш урок усвоил с давних пор.
Храню его в душе, не разглашу словами,
Еще один декабрь встречая вместе с вами.

Июльское интермеццо

Ночь, как зола, мягка, тепла, темна.
Ложатся сон, покой и тишина
На землю, разомлевшую от зноя.
Поет сверчок в сирени за стеною,
Встает вдали над крышами луна.

В отрадной тишине глаза закрой,
И день сгоревший, и ночной покой
Благослови, вздохнув. Пусть в мире
где-то
Чужая юность бродит до рассвета
В хмельных полях, под вечною луной.

Цветет черемуха

Цветет черемуха. Гляди – похолодало,
Как прошлою весной... Хоть вспомнить не могу,
А знаю просто: год – и сто назад – бывало:
Черемуха цветет – и холод. Всё сначала
В природе – и весна, и травы на лугу,
И зелень свежая, и дальние зарницы,
И первый гром, и яблоневый цвет,
И в небе тающий белесый долгий след,
И на рассвете первый щебет птицы.

Разбудит он меня – и нежно, и легко,
Как этот щебет, тайна в сердце всходит –
Из давних вещей снов... о рабстве и свободе,
О счастье призрачном, о жизни на исходе.
И светел новый день, и небо высоко,
И тишина в душе, и праведность в природе.

Ты – птица. Ты – дитя. Земли сладчайший плод,
Обет ее и дар, единый во Вселенной,
Нежданный, невозможный, неизменный,
Как цвет черемух, как течение вод,
Как хлеб и воздух.
Будь благословенна!
За сердце чистое, за взгляд правдивый твой.
Руки касанье, поцелуй украдкой,
За щедрость – без утайки, без оглядки,
Дарованную мне на дней остатке
Нечаянной, немыслимой весной.

Годовщина

Зреет негой бабье лето,
Золотится листопад.
Журавли курлычут где-то,
Всё – как сотни лет назад.

На прощальный праздник этот,
Как впервые, кинешь взгляд:
Где-то радость, ласка где-то,
Лишь не там, где год назад.

Далеко от зимней стужи,
Дремлет в сердце благодать.
Кто-то, кто-то сердцу нужен,
Кто-то просит подождать.

Чей-то взгляд светло и строго
В эту осень поглядел.
Кто-то с юностью убогой
Распрощаться не успел.

С той, оплаканной дождями,
В той далекой стороне,
В облаках – над куполами,
С рощами, колоколами
Наравне – наедине.

Этой радостью беспечной,
Этой памятью больной
Чьей душе томиться вечно
Каждой осенью блажной?

Чьей обидой иль изменой –
Что из этой нищеты

Не восстанет вдруг мгновенный,
Несравненный, незабвенный
Мостик дивной красоты?

Что над серым нашим хламом,
Где развал, угар и гниль,
Не вонзится в высь над нами
Золотой небесный шпиль?

Где-то спят твои озера
И дворы твои молчат.
Каблучки твои нескоро
По камням их простучат.

Кем подаренная милость?
Чья запрятанная злость?
Где любилось, снилось-скрылось,
Что судилось – не сбылось?

И неслышно за плечами
Жизнь недолгая встает,
С непроглядными ночами,
С днями, полными забот.

И единственного слова
Ни сказать – ни домолчать.
И на всём зимы суровой
Нерушимая печать.

В этот свет из дали зыбкой,
Из последнего тепла
Ты взглянула – без улыбки.
Вся здесь рядом. Вся – ушла.

Всё, как год, как век назад...
Вспоминать о том не будем.

В суете угрюмых буден
Под ногами листопад.

Жизнь проходит, дни летят.
Как песок шуршит в сосуде.

А октябрьский полдень чуден,
Лишь никто ему не рад.

Утешение

Опять декабрь. Еще одна зима
Стоит тоскливой гостьей у порога.
Сквозит обледенелая дорога.
Деревья наги, сумрачны дома.

Что этот мир: больница иль тюрьма?
Но, Боже мой!.. Видал ли ты когда-то
Больного, у окна его палаты,
Чьи дни уж сочтены? Или с ума
Сходящего в подвале каземата.
Безвинно осужденного, в плену...

Им – эту б ночь, и снега желтизну,
И хруст его, и край луны щербатый!..
Что наши боли, горести, утраты?
Им – эту б только зиму, лишь одну!..

6/XII/1981

Несбывшаяся любовь

Под линиям неба ситцем
Рдеет кромка алая.
И за лесом спать ложится
Солнышко усталое.

Где оно проводит ночи,
Не узнал ни разу я.
Мне и днем светить не хочет
Солнце ясноглазое.

Кто-то видел, кто-то знает.
Чей-то голос слышится...
Входит, двери затворяет,
Смотрит – не надышится.

Чье-то сердце к двери этой
Накрепко привязано,
Кто взойдет – зимой и летом,
А кому – заказано.

Где то солнце, где те дали,
Ранний свет малиновый?
Как встречали – привечали
Медом да рябиною.

С кем гуляли, где бродили
Под звездой высокою?
Проводили – угостили
Лебедой-осокою.

Свет вечерний, ангел тихий.
Голубое платьеце.
Шел по свету – вышел лихом
Годик восемнадцатый.

Гаснет солнце, гаснут дали.
Ночь с зарею сходятся.

Утоли моя печали,
Мати-богородица!

Жар перед
выздоровлением

Туман, мороза кружева,
Синицы в фортку свищут.
Куда девались все слова?
Меня по свету ищут.

А я, подушек и микстур
Оставив дол унылый,
Лечу в безоблачный В-dur,
Где свет, где кто-то милый.

Где кроткий взгляд, и впалый лик,
И голос родниковый.
Где мой язык – не мой язык,
Немой и бестолковый.

Где что забыл, что потерял...
Синицы спозаранку
Мне насвистали, чтоб искал
В полях мою беглянку.

И вот ковчег-диван плывет
В неведомое лето,
И солнце жаркое встает
Над дальним лесом где-то.

Встает над лесом, над рекой,
Над крышей-черепицей.
И пахнет сладко день-деньской
Шафраном и корицей.

Лечу – и вижу, снится мне,
Как Спас златобородый

Благословляет в вышине
Сады и огороды.

И тонкой пряжи серебром
Его укрыты плечи.
И тихим солнечным двором
Идешь ты мне навстречу.

Ноктюрн (Сон и явь)

Влажен, сумрачен, покоен
Воздух. Город спит.
Над уснувшей рекою
Девушка стоит.

Всё глядит, светло и строго,
С вешнего моста –
Несмеяна, недотрога,
Юность, чистота.

Тихий ветер пролетает,
Шелестя листвой,
Точно жизнь ее читает –
В тишине ночной.

Непечатые страницы
Радостей и бед –
Той судьбы, что мне приснится
Через много лет.

Будет сниться долго, странно
Сладкий тайный грех.
И заплачет Несмеяна
Обо мне – за всех.

На альбоме Моне
(неправильный сонет)

Глубокий обморок сирени.
Соборы-призраки, стога,
Ленивых речек берега,
У скал прибрежных волн кипенье.

Весна в Синае. Дождь в Париже.
Над Колизеем птичий гам.
Мы – здесь. Нам это небо ближе,
Родное небо ближе нам.

Блажная осень с челкой рыжей
Мольберт таскает по холмам.

Короче дни. Длиннее ночи.
Все ниже ласточек полет.
И что ни год, то жизнь – короче...
Чем день. Чем вздох. Чем слово –
год.

Странник

На отъезд М.Г.

В бору, где сосна да ольшаник,
Под сумрачным сводом небес
Стоит очарованный странник
И смотрит на дремлющий лес.

На елочек ветки резные,
На кленов стволы и листву,
Как будто сегодня впервые
Он видит здесь всё наяву.

Как будто сквозь донные воды,
Сквозь жизней бесчисленных ряд
Глядит на извечный Природы
Прощальный неспешный обряд.

На зелень, на пурпур-багрянец,
На тлеющий мох под сосной,
На ягоды влажный румянец,
На сеть паутины сквозной.

И видит он листик, прибитый
Вчерашним морозцем ночным,
И белки пробег деловитый,
Мелькнувшей на ветке пред ним,

И в сомкнутых кронах просветы
Прохладных небесных озер,
И недогоревшего лета
Рябиновый вдовий костер.

Сгорать ему в долгом свеченьи
В урочный назначенный час,

Когда в этом мире осеннем
И память исчезнет о нас.

И словно уже издалека,
Из той стороны неземной
Глядит еще раз – и широко
Ступает дорогой лесной.

Уходит, простившись без слова,
Ничей не смутивши покой,
Из этого царства лесного,
От этой вечерни – к другой.

Он знает – зима уж таится
Среди буреломов и чащ,
И скоро набросит, царица,
На землю свой траурный плащ.

Лишь саваном белым коснется –
И мир онемееет лесной,
И в сон отойдет – и проснется
Неведомой, дальней весной.

...Скрывается в сумрак ольшаник,
И ели вдали всё темней.
Идет очарованный странник
По тропам отчизны своей,

По весям ее и дорогам,
Свободен, незлобен и нищ,
По сонным селеньям убогим,
Вдоль пажитей, нив и кладбищ.

Идет – пропадает в просторах
Лесов и равнин вековых,
В полях, на холмах, на озерах,
В молчащих предзимьях ночных.

Вся ты – музыка. В самом заветном,
В тайновещем души уголке
Так сияешь – царишь неприметно,
Словно капля росы в лепестке.

Нет на свете тебе украшений,
Ожерелий, браслетов, колец.
Ты сама – изумленье и гений,
Дар природы, сосуд и венец.

В целом строе твоём, в каждом звуке
Непременность и вызов судьбе.
Я зову тебя в счастье и в муке
И забвенья ищу лишь в тебе.

В простоту твоих вечных гармоний,
В потаенность ключей и штрихов,
В лабиринты сонат и симфоний
Погружаться всечасно готов.

У амвонов твоих, по соборам,
Между звездочек, лиг и фермат
С гениальным твоим дирижером
Я знакомство сводил наугад.

Под порталы прелюдий и скерцо,
В заповедный сияющий храм
Я убогое скорбное сердце
Приносил к твоим чистым стопам.

И из келий твоих и часовен
В это сердце мне звуки лились...

Но... оглох сумасшедший Бетховен:
Где ты, музыка? Слышишь? – Вернись!

1997/98

Пять лет спустя

В озерном краю, между кленов и сосен
Всё бродит и бродит бездомница-осень.

По тихим тропинкам, на мертвых озерах,
Где елей верхушки в небесных просторах.

Под небом угрюмым до сумерек бродит
И ищет – и места себе не находит.

Выходит в багряном плаще на дорогу
И плачет, и кличет, и молится богу.

Глядит на холмы, где за рощами дали
Застыли в торжественной тихой печали.

Взовьется над водной равниной залива,
Где лодки уткнулись в камыш сиротливо.

И снова вернется в чертог свой узорный,
И ступит на мостик чудной, безопорный,

Откуда смарагдом да медью-охрою
Глядится из заводи чудо лесное.

Под куполом светлым, над белой колонной
Увенчанный храм-теремок семизвонный.

На прах золоченый листвы под ногами
Посмотрит, вздохнет – и зальется слезами.

Очнется, затихнет – и снова рыдает.
О чем она плачет? А кто его знает.

О счастье, приснившемся давешним летом,
О солнце, что скрылось за тучами где-то.

О том, что и мы, словно листья, по кругу
Всё кружим и кружим вдали друг от друга.

Как будто не знаем, как будто забыли,
Как мы здесь когда-то друг друга любили.

Как долго, прижавшись плечом и щекою
Над этим безмерным, над мирным покоем.

Над вечным покоем, под небом осенним,
Где справит без нас уж зима новоселье.

Над нашей судьбою, над нашей бедою
Лишь ветер бездомный затужит, завоет.

А мы, в одиночку, кружную дорогой
Вернемся в заплаканный край наш убогий.

И будет меж нами, от жизни до смерти,
От осени этой – лишь листик в конверте,

До срока истлевший в безмолвных просторах,
В осенней стране, на уснувших озерах.

Где мы на ветру, на лесном раздорожье
Доньяне стоим – и проститься не можем.

Сентябрь

Примятой мудрости усталость
Приходит к нам на склоне дней.
И с каждым днем – тщета и малость
Всего, что было и осталось,
В реке прозрачной всё видней.

В страну снегов, в страну забвений
Уносит той реки поток
Остатки болей и тревог,
Надежд, забот и треволений,
Встреч, расставаний и дорог.

И лишь в природе – кроме нас,
Всё в первый и последний раз,
В неизменившемся обличьи.

Рябина снова поутру
Горит и стынет на ветру.
И голоса примолкли птичьи.

У лета день берёт займы
Лазури, золота, яшмы.
А лес в торжественном величьи
Стоит и молча ждет зимы.

Колыбельная
в конце зимы

Ты ушла – и день погас.
На стене халатик синий.
За окошком свежий иней.
Фотокарточка анфас
На кого-то смотрит с полки.
У подъезда лясы-толки
Точат бабки. Поздний час.
Незаметно день угас.
Прилетели свиристели,
Посидели, посвистели,
Поклевали – про запас
(Март гостинцев не припас).
Вмиг снялись – и улетели.
Над тобой не пролетели?
Вдруг взглянула ты как раз...
Во дворе скрипят качели.
Зимний вечер, поздний час.
Где ты, солнышко, сейчас?
По обочинке-дорожке
Осторожно ставишь ножки.
Чуть подтаял гололед.
Вон автобус твой идет.
Заходи, садись к окошку.
Опускай воротничок.
Сумку к стенке – и молчок.
Оглядевшись понемножку
В суете, не понарошку
Отдохни, вздремни чуток.
Путь недолгий – под часок.
Жмет шофер – конец недели.
– Есть на выход? – Пролетели
Мост, завод, шиномонтаж,

Гастроном – и вот он, наш,
С детских лет родной, Сельмаш.
С остановки, помаленьку –
Крыша, двор, подъезд, ступеньки
И четвертый твой этаж.
Нажимай звонок знакомый.
– Я, Олеся. Вот и дома.
Как живете? – Всё путем,
Ждем тебя. – А где Анюта?
Ох, пора надрать кому-то...
– Будешь ужинать? – Потом.
В тихой кухне светлой ночью
Сядут рядом мама с дочкой.
Разговор неспешный тих...
Тут звонок. – Явилось, чудо!
– Здравствуй, мама. – Ты откуда?
Ладно. Ужин на троих.
Спать легли. Конец беседе.
Погасили свет. Соседи
Тоже стихли за стеной.
Звук последний, скрип дверной
Замирает на площадке...
Легче крылышка касатки,
Тише бабочки ночной
Сходит сон, скользнув украдкой.
Тронул веки, гладит пятки...
Спи, мой ангел, спи, мой сладкий,
Свиристельчик мой родной.
Тихо-тихо за стеной.
На стене халатик синий.
Летний вечер на картине,
Стог уснувший под луной.
Может, он тебе приснится?
Спят стога, озера, птицы.
Ты, на карточке, со мной.
...В сонный омут, в твой покой

Уплываю, как на льдине.
Синий лед, халатик синий,
Синий омут, плес ночной.
Спи, мой птенчик. Спи, родной.

Конец песни

*Бывают художники личные,
сверхличные и сверхалкоголические.*

В. Софроницкий

Год за годом, по выщербленным ступеням,
Так кончается век – то ли был, то ли не был?
Хорошо лежать на чьих-то коленях
И глядеть без мысли в ясное небо.

Хорошо снежком из дома, из кухни
Вдруг уйти, исчезнуть в вечернем тумане,
И глядеть поутру на костер потухший,
Что всю ночь горел на лесной поляне.

Хорошо под знаком Девы родиться
И за Деву пасть, как во время оно.
Хорошо под старость ума лишиться,
Чтоб на тризне близкой – марш Мендельсона,

А не марш Шопена... Оно бы ладно,
Чтоб одно молчанье – ни лжи, ни фальши,
Лишь руки касанье – юной, прохладной
На груди припомнить... и не знать, что дальше.

Хороша ты, девочка – чистые росы.
Хороша... лишь сама ты о том не знаешь.
Хорошо умеешь ставить вопросы,
Хорошо сама на них отвечаешь.

Хороши на закате чистые росы,
Хороши на рассвете русые косы.
Не спросить потом – кто нашел, да бросил,
Чтоб ноябрьский ветер их приморозил.

Мимолетный бред предвечерней смуты
В зеркалах дневных отразится ясно.
Может быть, в головке твоей компьютер,
Но целуешь ты и сладко и властно.

Но уходишь ты – век с тобой уходит.
Мало стоят, милая, сказки эти.
На земле своей, на его исходе
Нам с тобой, вдвоем – ничего не светит.

Большая Чуриловская
элегия*Tempo allegro moderato*

Как ветер в позднем октябре
Бесчинствует над чащей,
И нет опоры в той поре
Ни в чем душе пропащей.

А жизнь уходит, день за днем,
Чем дальше, тем скорее,
И в одиночестве своем
Покорно мы стареем.

Словно чужие, ей вослед
Глядим, почти без боли,
У сумерек последних лет
Не ждем, не просим доли.

Над прахом наших неудач,
Утрат и огорчений
Один лишь ветра вой и плач
В ненастной мгле осенней.

Здесь беженец – опавший клен –
Застыл среди равнины.
Каких невзгод свидетель он,
Какой лихой години?

Давно ли – день ли, жизнь назад –
В красе своей багряной
Был друг судьбе и счастью брат,
Желанный, званный, жданный!

Теперь, в беспамятстве, большой
Листвой шуршит, бормочет,

Скорей бы прочь из ледяной
Кромешной этой ночи,

Где туча смертно залегла
И в полнеба укрыла
Огни убогого села
И горние светила.

И сводит судорогой гладь
Прибрежного затона,
И не дают березам спать
Ночного ветра стоны.

Средь этой мечущейся тьмы
Чье сердце не сожмется?
В ней призрак – весть седой зимы.
Душа зимы дождется.

В ее безрадостных ночах,
В стране больной и нищей,
Душа, скажи, – где твой очаг,
Где свет твой, кров и пища?

В просветах дней, в провалах бед,
В плену людских сумятиц.
Что значит твой бессонный бред
И вздор ночных невнятиц?

И что твой ад, и что твой рай,
Хвалы твои и пени?
Жива – живешь, нет – умирай
В одно из воскресений.

Под старость страсть – и смех, и грех,
И стыд – тащить на сцену.
Ты сам прочел их прежде всех
И сам сложил им цену.

Изнанкой заповедных слов –
Заболтанное имя.
И лучшей женщины любовь –
До первого предзимья.

Актерам – править ремесло
От сотворенья мира.
Едино в нем – добро и зло
(Пусть не было Шекспира).

Но ясен даже в ремесле
Один урок конечный:
Всё было прежде на Земле
И умирает вечно.

И ты, усвоив тот урок,
Правдивый и ненужный,
Уйдешь, уснешь – наступит срок,
Как этот клен недужный.

И тот же ветер над селом,
Над рощей безымянной

.....

Экзюпери

В тревогах суеты всечасной,
Среди забот, среди скорбей
Ты в сердце сохранить умей
Пейзаж, что в мире всех прекрасней:
Пустыня и звезда над ней.

Отъезд,
или Сонет (весьма неправильный)
о декабрьском снеге

Ну, что ж. Теперь – в комок дорожную тревогу,
Под лавку мелочь дел, сумятицу забот.
Темнеет за окном. И нелюбимый кот,
Под вечер заскучав, о Вашу трется ногу.

Еще один отъезд. И чья же в том вина,
Что не кричат: «За стол! Вина, еще вина!»
Что решено – без нас – о нас. (И слава Богу.)
Душа, ты здесь еще? А мне пора в дорогу.

Что в дольном мире нам? – А в мире снег идет.
Над Бохумом ночным, над Мюнхенским собором,
Над Vat Jam, Israel, над спящим Балтимором,
На Тернопольской снег – все ночи напролет,
Над улицей, двором, где в солнышко и слякоть
Так было нам легко встречать, прощаться, плакать.

На земле предков
(Иерусалим / Земля обетованная)

Кол Нидрей! Тысяч лет начала и концы
Сошлись узлом тугим на лоне сей планеты.
Отсюда шли волхвы, паломники, поэты,
Пророки, виноградари, купцы

Заполонить, объять, познать все тайны света
И вновь – сюда прийти, где мудрецы
Над Торами сидят, в ночах, пока юнцы,
Не ведавшие жен, томятся до рассвета.

Мир – тем и тем. Лишь с памятью не сладишь,
Она, как в полусне, твердит забытый Кадиш,
Стоит себе одна, как некогда Рахиль
Стояла средь холмов... и всё глядит без слова

В ту даль, где в небесах над Витебском корова
Летит к родным стадам сквозь звезд
МОЛОЧНЫХ ПЫЛЬ.

Открытка

Нерусский текст, и глянца позолота,
Небес отверстый купол – и под ним
В полдневном зное, с птичьего полета,
Опасный город – Иерусалим.

Мне старый друг прислал цветное фото.
Порой среди наших скудных, скучных зим
Гляжу я на него – и вижу что-то
Из тех времен, когда был мир другим.

Когда не я, но кто-то, бывший мною,
В тени олив, под древнею стеною,
Всю ночь Отца небесного молил...

И был еще обратный счет не начат
Смертям, уходам. И в Долину плача
Почтовый «Боинг» рейс не проложил.

Сон об украинской ночи

Оксане

И вспомнится: остывшая от жара
Ночная степь, ночные облака,
Ночной автобус, пригасивший фары,
Ночная песнь немолчного сверчка.

Спи, сердце. Знаешь – осень уж близка.
Вздохнула ночь – и дальше длятся чары.
Бледнеет небо. Лебедь, Ковш, Стожары...
Пространств тысячелетняя тоска!

Ты, Родина! Мне от тебя не надо
Ни памяти, ни ласки, ни награды.
Лишь там, на дне, где, знаешь, жив пока,

Хранится пусть – и будет мне сладка
Полей твоих полынная прохлада
Под песню неизбывную сверчка.

Музыке

*...И опускается ночь, и только слабым
сиянием упорно дышит напоенная днем
былинка и лист, задерживая на Земле тихий свет.*

У. Фолкнер. «Свет в августе»

Как горек этот мир бывает нам подчас,
За днем проходит день – без ласки, без улыбки.
Груз мелочных забот, тревоги и ошибки
Привычно мы несем, не поднимая глаз.

Но где-то вдруг вдали запели тихо скрипки,
И чей-то тайный вздох подслушал контрабас.
И вот уж горний свет, таинственный и зыбкий,
Незримо и легко окутывает нас.

Забуть, куда спешил, какая боль и рана,
Кому какой укор, и день какой и час.
Как благодстная весть, как искупленья глас,
Вступает в скорбный мир октава фортепьяно.

Что миру этот звук? В нем ясность и покой,
И буря, и гроза... сомненье и решимость,
Мерцанье вечных звезд – и рок, неотвратимость,
С которой бьет волна о мол береговой.

И всхода, что таит росток в земле глубоко,
И молота паденья, и клинка,
Созревшего плода, увядшего цветка
И каждого, судьбой назначенного срока.

Сокрыт в нем бег минут, как сердца вещей стук.
Вот замер он... Вот рог. Вот песенка гобоя
Журчаньем ручейка, властительным покоем
Перепополняет мир – и дол, и высь вокруг.

Спрессовано в кружки, разлито в строчки время:
Довольно всем – и дня, и вечности не жаль.
Над миром бед и слёз, над горестями всеми
В небесной вышине звучит, царит рояль.

И снится нам тогда, что жили мы когда-то
В той сказочной стране, где лжи и горя нет,
Где детских наших снов остался вечный след,
Где наша жизнь была – концерт или соната,
Неведомой рукой написанный дуэт
Души и божества, в гармонии планет,

Хранимый вечно в нас, как в летний час заката
Былинкой на Земле храним полдневный свет.

Аутотерапия

Терпи. В безумстве каждом
Есть скрытый смысл и срок.
Узнай его однажды –
Останься одинок.

Тоску, печаль, обиду
Уйми, стерпи, снеси,
И жалости – для виду –
Не жди и не проси.

Так мало дней осталось
Жалеть, терпеть, любить.
На эту малость – жалость
И гнев, и зло копить.

Московские сумерки

Шагаю к метро по Арбату.
Намокший пятак в кулаке.
Как шел я и был здесь когда-то
В старинной Москвы уголке.

По этим вот самым дорогам
Лет двадцать ли, тридцать назад,
Гонимый тоской и тревогой,
Без цели блуждал наугад.

Как будто во сне здесь сомкнулись
Минуты, недели, года
В пространствах исхоженных улиц,
Где я не ходил никогда.

Такой же погожий был вечер,
Легки и свежи облака,
И так же текла мне навстречу
Неспешно людская река.

Шурша, пролетали машины
И вдруг замирали вдали.
Мосты, фонари, магазины
Узнать меня вновь не могли.

Но церковь всё та же стояла,
И своды, и купол, и крест.
В уснувшем пруду отражалась
Лиловая бледность небес.

И долго под ней мы бродили
С незримым моим двойником.
На лавочке вместе курили,
На ней же – всплакнули тайком.

Монеткой, зажатой в ладони,
Поверили жизни итог.
И ярко мохнатился в кроне
Знакомый Венерин зрачок.

«Восемь строк
о свойствах страсти...»

Когда ужален ты стрелой,
И в сердце – ад, и яд, и зной,
От всей премудрости земной
Не жди той муке исцеленья.

Ни клятв, ни жалоб, ни погонь –
Тебя сжигающий огонь
Остудит лишь одна ладонь...
И пепел будет – избавленье.

Плывет, плывет кораблик
В небесной вышине.
Куда доплыть он должен,
Известно только мне.

Плыви, плыви, кораблик,
Небесный мой конек!
Туда и мне вернуться
Настанет скоро срок.

Мне жаль с тобой расстаться,
Но берег ждет – другой...
Прости, кораблик вещей,
Кораблик золотой.

День ли, ночь на улице,
Солнышко ль рассветное,
Всё глядит, всё грезится
Девочка с портрета.

Воротник под шейку,
Тихие ресницы,
Девочка знакомая,
Круглая отличница.

Этот лоб сияющий,
Этот взгляд – вовнутрь.
Дева всепречистая!
Только раз взглянуть.

Светлая-лучистая,
Строгая и нежная,
Что тебе готовила
Жизни мгла крошечная?

Эти губы спелые,
Глаз затоны донные
Чьим прикосновением –
Вздохом расколдованы?

Чьей душе гореть дано
На твоём пожаре?
Девочка – певучая
Скрипка Страдивари.

Чьи глаза следы твои
По росе искали?
Кто молился звездам,
Что тебе сияли?

Быль ли небывалая?
Песня ли неспетая?
Таня и Изольда,
Сольвейг и Джульетта...

Что ж молчишь ты, юная,
Светлая, печальная?
Красота предвечная,
Радость безначальная.

Отойду в смятении,
Унесу в молчании
Этих глаз прощание,
Этих рук прощание.

Этот мир, что надвое
Расколот на части:
Девочка на карточке –
И мое несчастье.

Зачем мне переключать в слова
Ночного одиночества печали?
Всё было на земле, и я едва
Скажу, чего другие б не сказали.

Но где-то, среди провальной темноты,
В двухкомнатной, в двухкамерной квартире,
В печальнейшем из одиночеств в мире
Томишься – и, как жизнь, проходишь – ты.

На пустынном коридоре
Распростаться мы должны.
В тихой муке встало горе,
Жметя, никнет у стены.

День короткий угасает,
Вьюги зимние близки.
Тайно сердце обнимает
Обруч каменной тоски.

Потекут – один другого
Безысходней и черней –
День за днем, но, ради Бога,
Не кляни ты этих дней.

Ухожу я не впервые,
Тороплив и виноват.
Но глаза твои святые
Прямо в сердце мне глядят.

В темном небе – звёзды, зори.
Ночи – выплакаться всласть.
Мне бы в этом коридоре
К башмачкам твоим припасть.

Мне – к ногам твоим безгрешным,
Мне – к плечам твоим худым,
Мне – в твоём проулке снежном
До утра искать следы...

Гаснет в тучах день ненастный.
По дороге ледяной
Ухожу – и слышен ясно
Каждый шаг твой за спиной.

Вдоль пустых аудиторий
Тусклых ламп неверный свет.
На пустынном коридоре
Ты одна – глядишь мне вслед.

Не озираясь, не дрожа,
Помыслить трезво:
Вот здесь – судьба, а там – межа,
А дальше бездна.

Ни от судьбы, ни от межи
Не отрекаюсь,
На голоса хулы и лжи
Не откликаюсь.

Людской неправде не берусь
Исчислить меру.
У камня, у травы учусь
Терпеть без веры.

Не тешить выдумкой, не лгать
Себе и людям
И, засыпая, только знать,
Что утро будет.

Не осуждая, не кляня,
Брести среди терний...
Не покидай же ты меня,
Мой свет вечерний!..

На той меже, у той черты,
Где ночь укрыла...

Такая ночь, что даже ты
Светить не в силах.

Дымком костра пропитан
Осенний светлый день,
Склоняются ракиты
На высохший плетень.

Высоко в небе синем
Белесый тает лед.
И ластится к осине
Подстарок бересклет.

Она дрожит и внемлет
Знакомый льстивый вздор...
А лес, забывшись, дремлет
Над чашами озер.

И ласков день нежаркий.
Костер. Песок. Польша.
Последние подарки,
Прощальная теплынь.

Фонарь в окне. В палатах гасят свет.
Больничный шум стихает в коридоре.
И кажется, что горя вовсе нет,
Хотя заправду – есть одно лишь горе.

Услышишь шелест капельниц ночных.
И где-то, у черты земной юдоли,
Покажется, что боль ушла на миг,
Хоть ничего в ней нету, кроме боли.

Обрывки дней безвольно беребя,
Душа уходит в сон – на дно ложится.
И кажется, что даже нет тебя...
Тогда, прошу... не дай ей пробудиться.

Который год всё то же: ночь, зима,
И тихий дальний голос на рассвете –
Из тех миров, из тех тысячелетий,
Которых и не вспомнишь ты сама,
Где я был сам, хоть ты была на свете.

С тех пор тебе – ни имени, ни слова
На языке людском. Огонь. Вода.
Хлеб, Воздух, Солнце. Вечно – Никогда.
И снова – Нет. И бесконечно – Да
Глаз, губ твоих. И безначально – снова.

День, встреча, расставаньё... ночь – рассвет.
И зов, чуть слышный. Весть. Обед. Причастье.
И сердце разрывается на части.
И мука, словно тень, за днем вослед,
И муке той названья тоже нет.

Ты, женщина, дитя, колодец, птица,
Смиреница, невольница и жница,
Бесплотный дух, земли сладчайший плод,
Алмаз и воск, начало и исход –
Всё, что есть Ты, – в сем мире да святится.

Не верь словам, не верь судьбе слепой.
Судьба прервется, слово в небыль канет.
Цветы, тропинки заметет зимой,
Лишь сердце не оставит, не обманет.
Поверь ему – оно всегда с тобой.

Оно с тобой – рассвет тому залог.
Всех слов верней, всех судеб непреложней.
В нём память дней, что даровал мне Бог.
В нём голос твой, твой еле слышный вздох
Зовёт меня из дали невозможной.

Когда ж его расслышать не смогу,
Из тысячи рассветов убегу
За край земли, небес... где рук прохлада,
И впалость щёк, и несказанность взгляда –
Последний дар, услада и награда,
Свет мира – на последнем берегу.

Поздняя весна

Березам мачехой стоит весна чужая:
Ни песен, ни обнов. Уж позади апрель.
Лишь редко по ночам шуршит в ветвях капель,
А поутру – мороз, туман да мгла сырая.

Девчонки на асфальт с мелками не бегут.
Неслышно снег сошел – без ливней и потоков.
На мерзлом пне скворец задумался глубоко:
Куда я прилетел? И что мне делать тут?

Уныло, пусто всё, куда ни погляди.
Хоть солнце – нет да нет – меж облаков проглянет,
Как милый взгляд, что взгляд надеждой не обманет,
Как тихий смех – сквозь боль привычную в груди.

И стынут на ветру унылые березы,
И сумрачен, угрюм ночных ветров напев.
И дни бегут, текут, с Земли смывая слезы
Весны, что отцветет, начаться не успев.

Дождь в начале июля

Беспросветные серые тучи
После тягостной долгой жары.
Вот и дождик закапал плакучий
На дороги, поля и дворы.

Безотрадное темное небо
Над безлюдной, притихшей землей.
Где-то в небе – свершается треба
За безвестной души упокой.

Безнадежные гаснут желанья,
Безответные молкнут слова.
Дни проходят, всё длится молчанье.
Вянут листья. Желтеет трава.

Что же память безумная ищет
Средь обрывков запутанных дней,
На забытых чужих пепелищах,
В царстве призрачных снов и теней?

Задохнуться ли снова ей надо,
От бессолнечной сгинуть тоски,
От безгневного кроткого взгляда,
От касанья бесплотной руки.

Что цвело – всё сгорело, пропало.
Где горело – лишь уголь и дым.
Плачет дождик – вестун запоздалый
Над минувшим, былым – небывалым,
Над уснувшим, уплывшим каналом,
Над потерянным сердцем моим.

Прощание

Растаютя двое
Под глухой стеной.
Ты – да я с тобою.
Я – да ты со мной.

Мимо ходят люди –
И что им до нас?
Глянут – и забудут.
Я уйду сейчас.

Скажешь: до свиданья.
Постоишь еще.
Сумку на прощанье
Вскинешь на плечо.

Взгляд знакомо спрячешь
(Завтра – выходной).
Знаю, не заплачешь
Под глухой стеной.

Лишь рука устало
Издали взмахнет –
У двора начала.
У конца забот.

У стены, у дома.
Где толкнется в грудь
Глухо и знакомо
Одинокий путь –

По своим дорогам:
Меряным верстам...
Много их у бога,
Да не здесь – а там.

И другие люди
Всё по ним идут.
Никого не судят,
Ничего не ждут.

Лишь когда на крыши
Сумрак упадет,
Чья-то тень неслышно
По дворам пройдет.

Встанет за стеною
Под окном чужим...
Там, где мы с тобою
Столько лет стоим.

Проснусь в чужой квартире
И встану у окна.
Какая осень в мире,
Какая тишина...

Еще шаги не гулки,
И дремлют до зари
Мосты и переулки,
Дворы и фонари.

Как хмуро и сурово
Глядит сырая мгла.
Ах, осень! Что ж без зова
Ты в гости к нам пришла.

Как больно, одиноко
Ложится лист к ногам...
Ах, осень! Ты до срока
Стучишься в сердце нам.

Еще недолюбили,
Еще живут весны
Приснившиеся были,
Несбывшиеся сны.

Еще в тоске последней
Гляжу, твержу о них.
А в комнате соседней
Спит солнце снов моих.

ПОСВЯЩЕНИЯ

Рихтер, Шуберт,
14-я соната

Еще лежит в пыли, в сырой и влажной глине,
Не ведая себя, безгласная душа.
Вокруг нее рои затерянных в пустыне
Неназванных светил кружатся, не спеша.

Еще крошечный мрак и хаос первозданный
Ни плоти не обрел, ни вдоха не родил.
Еще не веден счет богам, векам и странам.
И в мире нет ни войн, ни храмов, ни могил.

Еще не встал в песках, на берегу вселенной,
Под солнцем яростным воздвигнутый Колосс,
И Шуберту в сырых предместьях старой Вены
Свой горький хлеб глотать пока не довелось.

Лишь ангел подал знак – вот три печати сняты.
Земля встает из бездн, темна и горяча.
Но ей еще до нас – как до Аппассионаты
От первых четырех бемолей у ключа.

Неужто был тогда, в том первозданном сплаве
Всех мук предбытия расписан, предрешен
Исполнившийся мир преображенной яви,
Томившейся во снах доклавишных времен?

И избран был Творцом, и к нам на Землю послан,
В смятенный этот мир, в обитель бед и тьмы –
Неведомый пророк, бестрепетный апостол,
Чтоб искупленья весть могли услышать мы.

Осипу Мандельштаму

...Нет, не из гиблых тундр, засыпанных снегами,
Не от веронских роцц, от эллинских гробниц –
Из всех веков и дней, провинций и столиц
Я в город мой вернусь, здесь ночь пробуду с вами,

Чтоб к утру умереть – с речными фонарями.
Средь выплаканных впрок Кассандр пустых
глазниц.

Меж сводчатых храмин, глядящих долу-ниц,
Где Шуберт на воде и Моцарт в птичьем гаме.

Вещей разъятый смысл в строке соединив,
Оставляю на земле и безвозвратно кану:
В ваш хлеб и виноград, в дыханье спелых нив,
В глубины вод, в тугой Гомеров парус,
В упавший с древа плод, в ручей, в тростник над
ним,

В орган, что над землей рокочет, вздувши жилы,
На страшной высоте, где братских солнц могилы.

Загадочный сонет (Тени)

*Осипу Мандельштаму**Душа моя – элизиум
теней.*

Ф. Тютчев

Из крана жизни лет бесцельное течение.
И как закрыть – не расспросить Творца.
Хотя, будь создан этот мир с конца,
Мы б, верно, испытали облегчение.

Но мир иной – на дне души твоей,
О нем душа угрюмая томится.
Там тени – души непрожитых дней –
Бегут, как книг неведомых страницы.

Там под небес нездешней синевой
Скользят ладьи на гребнях белопенных
Упругих волн. Там лавр и храм пустой...

И в сонме дней, томительно-блаженных,
Струится из фиалов тонкостенных
Янтарный сок, душистый и густой.

Галуа

Ю.Н.

Когда туман ночной редет на озерах,
Не довелось ли вам в рассветный лес войти,
Где щебет первых птиц и влажных листьев
шорох,
И тело, на траве простертое, найти?

Всю ночь он здесь лежал. И не пришли
за ним
Ни друг, ни брат, ни мать. И этого рассвета
Уже не видит он. И день начала лета –
Его последний день. Давайте помолчим.

Найдут слова потом. Для новых поколений
Откроют дар его, непостижимый гений...
А мы его в траве, лежащего нашли
Под пологом лесным, под колоколом
вешним.

О, грустный мальчик мой! Жилец звезды
нездешней,
Затерянной в ночах безрадостной Земли.

Сидур
(Памятник оставшимся
без погребения)

За околицами-верстами
Притаился листопад.
Разговариваю с мертвыми
Ночь которую подряд.

Молчаливые, туманные,
Сходятся по одному
Гости давние, незваные
К изголовью моему.

Тени близкие, знакомые.
И касанье тех теней
Вздоха ветра невесомее,
Капли лета не длинней.

Я узнаю их молчание,
Взгляд в себя, движенье рук,
Будто не было прощания.
Только знак – неслышный звук.

Лик мой – ликов их подобием,
Их уста – мои уста.
Над моим – не их надгробием
Ни венца, и ни креста

В их ногах, средь бездн зияющих
Долгий путь мой был – сюда.
И в моих глазах всезнающих
Ни укора, ни суда.

Утомленный, веки смежу я,
Чтоб забыться на заре,

Что ни ночь – могилу свежую
В ледяной долблю коре.

И, пройдя погост немеряный
За тюремным черным рвом,
След кровавый, след потерянный
Всё ищу на поле том.

Не найду – несу повинную,
Крадучись в ночи глухой,
Арнаутской, Карантинною,
Дальницкой и Степовой...

Но, внезапною тревогою
Вдруг объят, лечу домой.
И темнеют лики строгие
И уходят в мрак ночной.

Не окликнуть!.. Вот растаяли.
Были ночь – и нету их.
За околицами-далями
Всходит солнце для живых.

Седое солнце из-за туч косматых
Глядит весь день. Что нужно солнцу от меня?
Заснеженным полям, безлюдным деревьям
И стынущей ольхе над голым темным скатом?

Седое солнце за лесом садится.
О мука мук! Зачем зовешь ты вновь и вновь
Бросать на белый снег непаханой страницы
Тугие семена литых, тяжелых слов?

Да, он не шутка – этот мир, что снится
Не нашим мудрецам. Но всё уж решено.
Легла черта. За ней – слова, разлады, лица.
И ты, о мука мук! А впереди – одно:

Остаток сил собрать. Шагнуть. Увидеть дно.
И – сразу набело – последняя страница.

Дебюсси
(«Затонувший собор»)

В провал пятиоктавного аккорда,
Как в пустоту вселенной, входит мысль.
И вот сквозь мглу невидимого города
Над водной толщей своды поднялись.

Вот он стоит в забывшемся рассвете.
Вот стены, купола и мощный друз.
Всезримый, непреложный, как столетья,
Как крылья птиц, как поплавки медуз.

Качнулась гладь – обратное движение,
Вновь мгла – и сквозь нее подземный гул.
Бесплотно – тяжело, как сновиденье,
Уходит... Погрузился... Затонул.

Еще толчок... Недвижна гладь морская.
Яснеет даль. Расходится туман.
Лишь слышно – долго-долго, затихая,
Из недр морских звучит его орган.

29/VII/1998

Июнь
(А. Тарковскому)

Над притихшей землей
Теплый стелется вечер.
Прокричал козодой,
Запиликал кузнечик.

На поля ветерком
Потянуло с дороги.
Сел на тучку верхом
Месяц – всадник двурогий.

Пахнет свежей травой,
Чабрецом и левкоем.
Тайной властью ночной
Я смирен и покоен.

Провожать ли, встречать
Это лето я вышел?
Третьей стражи печать
Ставит ангел на крыши.

Мне ли вспомнилось что,
Или что-то забылось,
То, иль может – не то,
Чем дышалось, чем жилось.

В колыбелях ночей
Чистой влагой колодца
Свет нездешних очей
В душу темную льется.

Что ж ты просишь, душа,
Несказанного слова?

Помолись не спеша
И усни себе снова.

Дай побыть мне с собой,
Донести до рассвета
Этот летний покой,
Ласку позднюю эту.

Пахнет свежей травой.
Светит месяц двурогий.
Замириться с тобой
Нам пора бы, ей-богу.

Этих дней благодать
Не смущать, не тревожить,
Не судить, не гадать,
Чья вина тут дороже.

Правду, кривду и суд
Пополам мы разделим:
Я – твой ветхий сосуд,
Ты – на доньшке еле.

Бесталанной души
Я двойник бесталанный.
Льет над нами в тиши
Слезы месяц шафранный.

Степной волк

Спит Земля в глубоком снегу...

Г. Гессе. «Степной волк»

Лежит Земля в снегу. В морозном сизом дыме
Спят рощи и поля. Спит город Петроград –
Мосты, дворцы его – как десять лет назад.
И сколько сотен лет я виноват пред ними.

А чем – не знаю сам. Не разделю с другими
Я той вины никак. Снега вокруг лежат.
И каждый в мире сам несет свой рай и ад,
В Париже ли, в Твери, в Москве ль,
в Ерусалиме.

А ты бежишь, мой волк, товарищ мой седой.
Нет сил? – терпенье есть! Тихонечко повой,
В безлюдье этих зим, над мира волчьей скукой.
Вот логово твое, твой отдых, твой ночлег.

Здесь душу до утра привычно убаюкай
Обманом вечных грез. А завтра – снова бег.

Рихтер (эскиз)

И жаркий полдень над холмами,
И предзакатный дальний гром,
И лунный блик на старом храме,
И сад под утренним дождем,
И шелест рощи белоствольной,
И вьюги зимней жуткий вой,
И над равниной вековой
Плывущий голос колокольный.
И над заброшенным жнивьем
Прощальный клич осенней стаи...

Рихтер

Под старость лет и зим мне снится иногда
Московский старый двор, скамейка у пруда,
В сосульках радужных застывшие деревья,
Затеплившийся свет в притворе церкви древней...
Ах, март-солнцеворот!.. Капель и холода.

И снится: будет час, и я приду сюда,
И будет в небесах взошедшая звезда,
И встану я под ней – с душой своей убогой,
Неузнанный Арфист... Как в прежние года
Стоял нагой Адам – и первый слушал Бога.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

У дома, где родился Блок

Ахматовой

По тем камням, где ты ступала,
По тем мостам, вдоль тех оград,
Над сонной заводью каналов
Весь день блуждаю наугад.

Вдали от дел, забот привычных,
Не различая – явь ли, сон,
Брожу меж портиков античных
И беломраморных колонн.

Среди литых, витых, узорных
Решеток, мостиков, оград,
Над мраком плит могильно-черных,
Под вязью слов, имен и дат.

Где кони вздыбленные встали
Над серой лентою Невы,
Брожу в беспмятстве печали,
Не поднимая головы.

На тех камнях, у тех причалов
Ищу свидетелей, истцов,
Где всех разлук сплелись начала –
И не разыщешь их концов.

И на гранитном мавзолее
Прощанья вечного печать,
И не вернуться в те аллеи,
Над тем прудом не помолчать.

Там на тропинках наши тени
Скользят, не разнимая рук.
И рощи пламенем осенним
Пылают на сто верст вокруг.

А здесь туман, и чаек крики,
И скорбно смотрят на живых
Холоднокаменные лики
Безмолвных львов сторожевых.

И в вечеряющем просторе
Над жизни вечной маятой
Плывет, плывет в небесном море
К тебе кораблик золотой.

О, Эрмитаж! Души отдохновенье,
Уединенье, самоотречение,
Самовстречанье в сумерках веков.
Под этот свод, по мраморным ступеням,
Я вновь вхожу к давно забытым теням
Умерших душ, воскресших двойников.

Над кем тот саркофаг? тот холм в пустыне?
Чей дух под ним, томясь, вызывает ныне?
Не я ли грелся у того огня,
Не мой ли голос в этих рощах замер,
И не моими ль мертвыми глазами
Глядит сей лик на здешнего меня?

Ты, жизнь... ты – капля влаги, что упала
В пролет, в разрыв несбывшихся времен.
Бьет колокол. Очнешься – всё сначала...
Тускнеет мрамор фризов и колонн.
Смолкает звук небесного кимвала.
День длится – не смущен, не изумлен
Своим существованием нимало,
Ни краткостью, ни праздностью... Как в сон,
Гляжу, забывшись, в полумрак канала,
Где арки мостовой полуovala
Двойник недвижимый слитно отражен.

Дождь на Черной речке
(Отзвуки былого)

*Вся жизнь – одна ли,
две ли ночи.*

А. Пушкин

И снова дождь на речке Черной
Под кров влюбленных гонит прочь,
И снова врозь, с тоской покорной,
Они уходят в сумрак, в ночь.

А там видения ночные
Глядятся в полдня зеркала,
И мир иной, и мы другие,
И жизнь... что кажется прошла.

Лишь сердце умирать не хочет
И вспомнит – в неурочный час –
Всю жизнь... одну ли, две ли ночи,
И дождь, что отнял их у нас.

Ломоносовскому парку

Привокзальные задворки
Остаются за спиной.
Распахнутся неба створки,
Просияет мир лесной.

Павильон Каталной горки
Тихо встанет предо мной.

Средь аллей и роц тенистых,
Над холмами, на росе
Он стоит – лазурно-чистый,
Колокольный, серебристый
В нерассказанной красе.

От прудов, с опушки дальней,
Отовсюду глянешь – он:
Изначальный, беспечальный,
Мой венчальный, горностаальный
Сторкательный павильон.

Жизнь уйдет. Но в миг нежданный,
У неведомой черты,
Там, где мостик безымянный,
Несказанный, богоданный –
Снова встретишься мне ты.

Миг проступит – ниоткуда.
С жизнью вместе – боль уйдет.
И тогда вернется чудо,
Будет голос, позовет.
– Кто там? – спросит, – и откуда?
И о чем там слезы льет?

Улица зодчего Росси

Там, где мост перекинут покатый
Над Фонтанкой – сестрою Невы,
Где тугие стальные канаты
Держат в пастях ощеренных львы, –

В петербургскую раннюю осень
Я вошел вдоль узорных перил,
И на улицу зодчего Росси,
Как в причастия тайну, ступил.

Желтых стен над мощным квадратом
Соразмерность и царственный сон.
Спят, сокрыты в нем, судьбы и даты
Растворенных в пространстве имен.

В геометрии линий и сводов
Горней музыки отзвук храним.
Горних ангелов пенье на водах –
И безгласна душа перед ним.

Лик мгновенный мелькнет за колонной,
Стан распрямен, и строг силуэт.
И растаявший в выси бездонной
Арабеска божественный след.

Сквозь просветы решетки узорной
Пробивается сумрак ночной.
Четко видится в выси просторной
Шпиль знакомый... и дальше – другой.

Тихо катит внизу, за оградой,
Задремавшие волны Нева.
Помолчи. Обними только взглядом
Эту даль – пусть помедлят слова.

Не расплещут в приливе случайном,
Чем душа напиталась, как встарь.
Пусть хранят ее смутную тайну
Мост, река и погасший фонарь.

Дворцовая площадь ночью

Застыл в снегах зимой суровой
Оконных четок перебор.
Над твердью площади Дворцовой
Ветвей заснеженных узор.

Не спит душа ее, томится,
В своем пространстве заперта.
И непроглядная таится
За нею ночи чернота.

И среди сполохов бессонных
Горит мерцающим огнем
Свеча – ростральная колонна –
В России сердце ледяном.

Белая ночь на Васильевском

Не будем вспоминать бесслезные прощанья
На этих островах, среди чуткой тишины,
Где шаг – как пульс в волне, и каждый вздох
Доносит до небес все вздохи мирозданья. волны

Окончен праздник наш. Мосты разведены.
В проеме их, вдали чернеют очертанья
Фасадов, крыш... Над ними – зыбкое мерцанье,
Кипенной мглы разлив, певучий сон весны.

Не будем вспоминать. Мы здесь оставим сами,
Как памяти залог, измеренные нами
Вдоль этих берегов бессонные пути.

И ветер, что летел над нашими следами,
И ночь, молчавшую предвечными стихами,
Чей смысл – не разомкнуть и лад – не развести.

Старый Петергоф
(Прощание с Петербургом)

Стою на обезлюдевшем перроне.
Вокруг леса, куда ни кинешь взглядом.
Взошла звезда на сером небосклоне
Над отошедшим в вечность Ленинградом.

Над Эрмитажем и над Летним садом,
Над Лаврой, над Исакием, над Смольным,
Над миром горним и над миром дольным.
– Мой ангел, где ты? Ни руки, ни взгляда.

Мой ангел кроткий! Как звучит в тумане
Гудок протяжный, вестник расставаний.
Тоска в нем, и покорность, и привычка...

Горит звезда, одна в небесном лоне.
Спит Петергоф. И пусто на перроне.
И наша жизнь ушла, как электричка.

21/IX/1985

На тему Байрона

*Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле.*

Дж.Г. Байрон

Ветра вздохи за плечами,
Дождик-морось день-деньской.
Не бродить уж нам ночами
По Торжковской, по Ланской.

По кофейкам уютным
Не стоять в очередях,
Милых пальцев поминутно
Не касаться второпях.

Не томиться на вокзалах,
Не стучаться за ключом,
В электричках запоздалых
Не дремать к плечу плечом.

Под колесный, торопливый,
Монотонный перестук –
Вспомнишь – домик над заливом,
Чудный портик, виадук.

Осторожными шагами
Не взойти в лесной шатер,
Не пройти над берегами
Спящих в золоте озер.

В морозящей паутинке,
На протяжном сквозняке
Не смахнуть дождя слезинки
На реснице, на щеке.

И, проснувшись до рассвета,
Затаив, напряжив слух,
Не расслышать близко где-то
Легких ног замерший звук.

Эти сказки, эти были
Ветром, листьем занесло.
Как любили, что забыли –
Снилось-сбылось... и прошло.

И напрасно, друг, не надо
Вспоминать о них с тоской.
Где-то холмик за оградой,
Над усладой, над отрадой,
Над Уtratoю-рекой,
Под осенним листопадом,
Год ли, век ли – день-деньской...

Дождь идет над Петроградом,
На Торжковской, на Ланской.

У памятника Петру

*Я вернулся в мой город,
знакомый до слез...*

О. Мандельштам

Эти топи да веси, свежак да пльвун,
Беспросветное небо, гранитный валун.
Над бескрайним простором простертая тьма,
Голь-равнина – Россия, топор да сума!
На костях, на кремнистой болотной крови
Зачинался здесь храм непомерной любви,
Непомерной любви, небывалых измен.
Только что без них Русь – пытка, морок и тлен!
На твоих вековечных осенних ветрах
Сколько судеб сгоревших, развеянных впрах.
Заточенным, казненным немеряный счет,
Задохнувшимся влагой туманных болот.
Заплатившим рассудком, душой и судьбой
За свиданье с тобой, за разлуку с тобой.
В монолитном, гранитном твоём торжестве
Каждый камень вопит, каждый мост на Неве:
Отрыдать бы за них, отмолиться за всех
Убиенных, упавших в песок иль во снег,
На открытых пространствах твоих площадей,
Средь крестов-куполов, средь туманов-дождей.

Здесь стою и поныне с котомкой своей
Поседельный скиталец, пророк, иудей –
У знакомых дверей, у речных фонарей,
Напоённых бессолнечной памятью дней,
На местах довременных расчисленных встреч,
Где сходились, бывало, судьбе всуперечь,
У пристанищ последних бессрочных разлук,
Где в рассветах сторожких таящийся звук.

Звук вокзальной тоски, приторможенных шин,
Замирающий зов – весть сибирских равнин,
Монотонный, чугунный, ночной перестук...
Пашет небо бессонниц воронежский плуг.
Бороздою – в пространство, без вод и без звезд,
В безымянную ночь, безмогильный погост.

Февраль на Петроградской

И. Бродскому

Как потерявшийся ребенок,
Зажав в комок тоску и страх,
Душа моя брела впотьмах.
Срывался дождь, и лед был тонок.

И в обезлюдевших дворах
Таился сумрак. Вдруг спросонок
Кричал гудок. И плыл в затонах
Людских сиротств обвисший флаг.

И отмирало, и немело
Душою брошенное тело,
И я не мог ему помочь.

А ветер, прилетев с залива,
Метался глухо и тоскливо
И хлопал ставнями всю ночь.

Ненастными студенными ночами
Припомнится Вам осень, Петроград,
Невы простор, Исакий, Летний сад,
Блеск статуй под неяркими лучами,

Свет фонарей и первый листопад,
И ангелы с горящими мечами,
И лики львов, загробными очами
Глядящие на Россиев фасад.

Мы были там. Быть может, в дни печали
Нас посетит виденье этих дней,
Знак промелькнувших судеб и теней,

Надежд, утрат... Шагов, что отзвучали.
И вдруг, взглянув, сквозь ржавчину и гниль
Увидим в небе светоносный шпиль.

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Двадцатилетняя годовщина
(Из Галины Могильницкой)

Снег над перроном медленный, летучий.
Под снегом шпалы, фонари, лотки.
Как вестники разлуки неминучей,
Трубят во мглу охрипшие гудки.

Ложится снег – на брови, щеки, плечи,
Что были нашими еще лишь час назад.
И что нам с ними делать в этот вечер?!
...Слова, цветы... Усталый чей-то взгляд...

И Бог не осушил все реки разом,
И звёзды на небе не погасил,
Когда к платформе чудищем трехглазым
Локомотив шипящий подкатил.

...А в мире, что до нас стократ был проклят,
За годом год проходят чередой.
Сквозь них, как в перевернутом бинокле,
Всё вижу твой уход и облик твой.

Всё больше отдаляясь и малея,
Уходит в ночь разлука, снегопад,
И даже та печальная аллея,
Где ты положен двадцать лет назад.

И вот уж день, когда, забыв о дате,
Я не пришла к надгробью твоему.
И рухнет мир. И сбудутся проклятья.
И страшно – что совсем не потому...

Осенний день (из Рильке)

Господь, пора. Был август твой богат.
Накинь покров на солнца циферблат.
Позволь ветрам подуть в твоих долинах
Предвестьем дальних криков журавлиных.

Вели плодам их сон перебороть.
Дай им три жарких дня на дозреванье.
Поторопи их – и в одно дыханье
Последний мед вгони в тугую плоть.

Бездомный ныне – дома не построит.
Отверженный – останется изгоем.
Кто одинок – тому теперь не спать,
Читать иль письма долгие писать.

И, выйдя в ночь, бродить, томясь тоскою,
В полях уснувших, листопада ждать.

Джон Суинберн
(перевод из польского перевода)

Отринув боль и гнев, гордыню и заботы,
Без жалоб, без страстей живем, как в полусне,
Лишь вздохом и мольбой благодаря кого-то,
Кто есть там – или нет – в надзвездной вышине.

Благодарим за то, что день проходит каждый,
Что не вернется тот, кто умер хоть однажды,
И всё, что было «мы», шепоткой пыли влажной
Когда-нибудь замрет у вечности на дне.

Гейне.
Из забытых песен

Сияет ли лето в мире,
Царит ли в нем зима,
Мне сказка о принцессе
Никак нейдёт с ума.

Жила-была принцесса,
Украшенье бедной Земли.
И много в колыбель ей
Даров волхвы нанесли.

И был среди тех сокровищ
Бесценный один алмаз,
Которому названья
Никто не вспомнит сейчас.

И берегла принцесса,
Прекрасна и светла,
Алмаз тот пуще глаза
И счастлива с ним была.

Когда же ей случилась
Пора идти под венец,
Она алмаз тот спрятала
В серебряный ларец.

Вот замужем принцесса,
Прекрасна и нежна,
И мудрая советчица,
И верная жена.

Но, вспомнив о сокровище
Случайно как-то раз,

Она велела слугам:
Достаньте мой алмаз!

Весь двор тут всполошился,
Искали до зари –
Ларец запропастился,
С алмазом, что был внутри.

И плакала принцесса.
И кто тут мог помочь?
Алмаз бесценный, хранимый,
Как камень, канул в ночь.

Прекрасная принцесса,
Высокого ума, –
Так спрятала сокровище,
Что не нашла сама.

С тех пор к ней муж неласков,
И белый свет немил...
А чем кончается сказка –
Я знал, да позабыл.

Хотел бы я быть травой,
Где ноги твои прошли,
Водой, песком или камнем,
Цветком в придорожной пыли.

Чтоб ты могла наклониться,
Сорвать тот убогий цветок,
Чтоб он тебе ночью присниться
Или днем припомниться мог.

Хотел бы звездой вечерней
Всходить над твоим окном,
Чтоб ты взглянула в окошко,
Вздыхнула, не зная о чем.

Звездой, чтоб тебе светила,
Пока не взошла луна,
Когда ты ночью спешила
По тропинке лесной одна.

Или птицей мне стать рассветной,
К окну твоему прилететь.
У милого изголовья
С нежнейшей из песен сидеть,

Чтоб, ото сна пробудившись,
Ты улыбнулась вдруг,
Чтобы от этой улыбки
Весь мир засиял вокруг.

Но я не камень, не птица,
Не мох, не цветок, не звезда,
По той тропинке безвестной
Не шел с тобой никуда.

Не целовал тебя на ночь
И поутру не встречал.
Ни рук, ни плеч твоих нежных
От стужи не укрывал.

Короткое знал я счастье –
О солнце снился мне сон.
Проснулся – вижу: тем солнцем
Я наяву обожжен.

Но меркнет солнце. И птицы
Молчат, и никнет трава.
И снег на поля ложится.
И вот в снегу голова.

И кроет саваном белым
Траву, и лес, и жнивье.
И тихо плачет сердце,
Темное сердце мое.

Об авторе

Вадим Анатольевич Могильницкий родился в 1935 году в Одессе. Закончил механико-математический факультет Одесского университета. С 1964 года жил в Челябинске, преподавал математику в Челябинском политехническом институте (ныне ЮУрГУ)

Всю жизнь был погружен в музыку. Переводчик с польского на русский книги В. Дулембы «Шопен» (2001). Автор первой биографии Святослава Рихтера (2000). Вторая его книга, «Рихтер-ансамблист», увидела свет в начале осени 2012 года, за несколько месяцев до его смерти.

Содержание

МИХАИЛ ГОЛЬДЕНБЕРГ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5

БЕССОННЫЕ ПУТИ

Жива стократ моя любовь	13
Сонет №2 о музыке и слове	14
Зимний сонет (-37 °С)	15
Сонет об истинном и мнимом	16
Bunte Blätter	17
Далекое воспоминание	18
Воспоминание	19
Лето 86-го	20
«Вновь сентябрь. И вновь порой...»	21
После дождя	23
Деревьям	24
Июльское интермеццо	25
Цветет черемуха	26
Годовщина	27
Утешение	30
Несбывшаяся любовь	31

Жар перед выздоровлением	33
Ноктюрн (Сон и явь)	35
На альбоме Моне (неправильный сонет)	36
Странник	37
К музыке	39
Ночной полустанок	41
Пять лет спустя	42
Сентябрь	44
Колыбельная в конце зимы	45
Конец песни	48
Большая Чуриловская элегия	50
Экзюпери	53
Отъезд, или Сонет (весьма неправильный) о декабрьском снеге	54
На земле предков (Иерусалим / Земля обетованная)	55
Открытка	56
Сон об украинской ночи	57
Музыке	58
Аутотерапия	60
Московские сумерки	61
«Восемь строк о свойствах страсти...»	63
«Плывет, плывет кораблик...»	64
«День ли, ночь на улице...»	65
«Зачем мне перекладывать в слова...»	67
«На пустынном коридоре...»	68
«Не озираясь, не дрожа...»	70
«Дымком костра пропитан...»	71

«Фонарь в окне. В палатах гасят свет...»	72
«Который год всё то же: ночь, зима...»	73
Поздняя весна	75
Дождь в начале июля	76
Прощание	77
«Проснусь в чужой квартире...»	79

ПОСВЯЩЕНИЯ

Рихтер, Шуберт, 14-я соната	83
Загадочный сонет (Тени)	85
Галуа	86
Сидур (Памятник оставшимся без погребения)	87
Толстой	89
Дебюсси («Затонувший собор»)	90
Июнь (А. Тарковскому)	91
Степной волк	93
Рихтер (эскиз)	94
Рихтер	95

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

У дома, где родился Блок	99
Эрмитаж	101
Дождь на Черной речке (Отзвуки бывшего)	102
Ломоносовскому парку	103

Улица зодчего Росси	104
«Сквозь просветы решетки узорной...»	105
Дворцовая площадь ночью	106
Белая ночь на Васильевском	107
Старый Петергоф (Прощание с Петербургом)	108
На тему Байрона	109
Над Финским заливом	111
У памятника Петру	113
Февраль на Петроградской	115
«Ненастными студеными ночами...»	116

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Двадцатилетняя годовщина (Из Галины Могильницкой)	119
Осенний день (из Рильке)	120
Джон Суинберн (перевод из польского перевода)	121
Гейне. Из забытых песен	122
«Хотел бы я быть травой...»	124
ОБ АВТОРЕ	127

Издание книг, подарочных альбомов, презентационных
буклетов и другой полиграфической продукции.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГОРЯ РОЗИНА
Тел.: (351) 266 80 70, 8 904 812 18 07
BOOKCHEL.RU, WWW.ZENON74.RU

Могильницкий Вадим Анатольевич

бессонные пути

избранная лирика

Литературно-художественное издание

12+

Редактор *Андрей Янин*
Оформление – *Владислав Кугаевский*
Корректор *Марина Нежданова*

Подписано в печать 04.09.2015
Формат 60x84/16, Гарнитура Bookman.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство Игоря Розина
Тел.: +7904812 1807, (351) 266 80 70
E-mail: isrozin@yandex.ru
Сайты: www.bookchel.ru, www.zenon74.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru